

УДК 39; 908

С.А. Попова

Народный календарь и празднично-обрядовая культура манси: проблемы реконструкции

Аннотация. В статье рассматриваются календарные традиции северной группы манси. Акцентируется внимание на празднично-обрядовые практики, приуроченные к таким космическим явлениям, как солнечные ритмы, лунные циклы, сезоны. Феномен праздников и обрядов рассматривается сквозь призму реконструируемой культуры (культуры как памяти), иерархии почитаемых праздников. Внимание уделяется трансформации традиции, ее адаптации к реалиям и задачам современности.

Ключевые слова: Ёй ййкв 'медвежьи танцы', периодические праздники; Тõрум кан 'место поклонения Торуму', Ёринёква хõтал 'Вороний день', праздники годового цикла; йир 'жертвоприношение животного', при 'угощение едой (пищей)'; ялпың 'святой священный, сакральный'; традиция, обряд, сезон, хозяйственный период, календарь.

S.A. Popova

Folk calendar and holiday-ritual culture of mansi people: problems of reconstruction

Summary. The article discusses the calendar traditions of the northern group of Mansi. The article focuses on the holiday-ritual practices, dated to such cosmic phenomenon as the solar rhythms, lunar cycles, seasons. The phenomenon of holydays and rites is considered through the prism of the reconstructing culture (culture as memory), the hierarchy of revered holidays. The author pays attention to the transformation of the tradition, its adaptation to the realities and missions of the modern times.

Keywords: Uy yikv (bear dances), periodic holydays, Torum kan (the place of worship to Torum), Urinekva khotal (Crow's day), holidays of the annual cycle, yir (animal sacrifice), pri (regaling with food), yalpyng (holy, sacred, sacral), tradition, rite, economic period, calendar.

В последние десятилетия в связи с возросшим интересом к собственной традиционной культуре у представителей народа манси, с одной стороны, и набирающим темпы направлением этнотуризма в туристической индустрии Югры, с другой стороны, все более определяется приоритет этнокультурных традиционалистских запросов на ритуально-праздничный комплекс. Вместе с тем, остаются нерешенными вопросы реконструкции традиционного праздника в современных условиях, а именно: выбор территории его проведения; трансляция ритуально-праздничных стереотипов и стратификация моделей поведения разных со-

циально-возрастных групп в пространстве этнического праздника; компетентность организаторов в вопросах этнических особенностей традиционного праздника и др. Сегодня же мы, чаще всего, наблюдаем этнически окрашенные праздники и выслушиваем справедливые упреки представителей старшего поколения в правомерности таких мероприятий.

Задача автора – показать некоторые возможные аспекты реконструкции празднично-обрядовой стороны жизни северной группы манси.

В празднично-обрядовой деятельности наиболее полно сохранились и получили развитие

черты традиционного образа жизни. До сих пор, в отдаленных национальных поселениях, система жизнеобеспечения определяется хозяйственными циклами. Поэтому неслучайно, манси, как и многие другие народы, именно с традиционными праздниками связывают сохранение и возрождение своей культуры [1, 7].

В то же время бытовавшая ещё в недавнем прошлом празднично-обрядовая культура, в отношении к более древнему пласту, существовала уже в измененном состоянии, поскольку она не застывшая структура и имеет свойство видоизменяться и адаптироваться к современным условиям. Причин, повлиявших на исчезновение или частичное использование древних праздников и обрядов, может быть ровно столько, сколько перипетий и новшеств совершилось в каждой из последующих эпох истории народа, под воздействием которых возможна корректировка или даже смена мировоззренческих установок.

Например, в глубокой древности, в период материнского времени (матриархат), в традиции манси существовали периодические праздники, которые имели отношение к религиозным знаниям и опыту женской сакральной культуры. Рудименты некоторых из них обнаруживаются в обрядах, обычаях и бытующем у манси спорадическом Медвежьем празднике, который проводится охотником в обязательном порядке, по случаю добычи медведя. Особо это заметно в исполняемых песнях так называемого цикла *уй эрыг* 'медвежьих песни' и в священной части праздника, которая посвящена духам-предкам и событиям, которые происходили в Мифологическое Время (время первотворения). Символика таких персонажей как: *анкв* 'лосиха', *лувнёрумнэ* 'лошадинах заливных (болотистых) лугов женщины', *торев* 'медведица' имеет слишком древние корни и очень существенна, т.к. через нее познается устройство мира, история и традиции народа. Со сменой идеологии, когда материнское время уступило место отцовскому (па-

триархат), праздники стали неактуальными и постепенно трансформировались в мужские – охотничьи (промысловая магия), воинские и общественные, имеющие связь с культом предков. Также, постепенно, перестали существовать обряды инициации, первоначальная суть которых стала неактуальной и непонятной для новых поколений.

В полном объеме, как и у всех традиционных народов, праздники были многофункциональными, доминирующей функцией чаще всего выступала магическая. С течением времени в различных праздниках на первый план выдвигались социальная, эстетическая, эмоциональная и другие. В целом традиционные праздники определяются как энциклопедический свод культуры и средств порождения в ходе праздничной «игры» новых форм культуры в ее символических образах [2, 331]. Существенным и неотъемлемым признаком праздника является его сакральность [2, 329]. В мансийском языке праздник обозначается как *ялпың хотал* 'святой день'. Идея сакральности подчеркивается и в семантической мотивировке праздника – *пёйксян хотал* 'просьб день' или *ялпың пёйксян хотал* 'святой день просьб'. В русской речи этим формулировкам соответствуют понятия: святой, священный, сакральный, молитва, поклонение, праздничный день. Вся празднично-обрядовая деятельность построена на дуальности: сакральное-обыденное, мужское-женское, смерть-рождение, верх-низ, холод-тепло, темно-светло и т.д.

В прошлом празднично-обрядовая сфера деятельности манси имела целостную систему из цикла представлений, где способ счета времени был основан на последовательности периодических событий (ежегодные, трехгодичные, пяти или семилетние и т.д.) и цикличности воспроизведения календарных обрядов в годовом круге (праздники годового цикла, микросезоны). Такое представление о времени организует жизнь коллектива посредством ритуалов и продолжает поддерживать установленный порядок.

Главными (архаичными) праздниками манси были периодические праздники, связанные с положением небесных тел и важнейшими солнечными фазами – зимним и летним солнцеворотом, весенним и осенним равноденствием. Особо отмечаемые из них проводились в периоды, которые сами носители традиции называют: т̄л котиль ‘середина зимы’ и тув котиль ‘середина лета’.

Традиционно, в зимний солнечный поворот (зимы к лету, холода к теплу, тьмы к свету, смерти к возрождению) и до дня весеннего равноденствия обские угры отмечали периодический Медвежий праздник, который включал в себя цикл обрядовых действий. Подобный праздник, который устраивали в одном из центров обско-угорских территориальных объединений – Вежакарах, приобрел наибольшую известность, благодаря побывавшему на нем известному учёному-угроведу В.Н. Чернецову [3, 186, 189, 190] и опубликованным материалам Н.И. Новиковой [1, 43-150]. В настоящее время нами ведется исследование и реконструкция периодических медвежьих праздников в древних мансийских территориальных объединениях – Ломбовожском (Т̄рев й̄кв) и Северо-Сосьвинском (П̄с Василь х̄тал). По установившейся народной терминологии он значился как яныг й̄кв, что в буквальном переводе означает ‘большие танцы’ или яныг ӯй й̄кв [священного] большого зверя танцы’, в данном случае – медвежьих. В мансийском языке лексема яныг имеет несколько значений – «большой», «великий», «старший», «главный», «заглавный». В контексте данного медвежьего праздника, который по факту является самым длительным, самым многочисленным и по значимости его для народа, лексема яныг символизирует сакральную направленность и выражает его суть – ялпың «святой, священный» [праздник].

В календарной обрядности манси четко выделяется главенствующая роль периодических медвежьих праздников (танцев). В нем скон-

центрированы все признаки, соответствующие архаическому «первопразднику»: традиционность, основанная на обычае, сохранившемся с древних времен; сакральности по сути (яныг ‘большой, главный’, ялпың ‘священный’) и месту проведения (ялпың м̄а ‘[особая], священная территория’, яныг кол ‘большой, главный, культовый дом’); долгий срок празднования (до 49 дней); всеобщность (собираются члены родственных групп с семи территорий). Неотъемлемой частью праздника являются: гадание, ряженье; игровой характер действия; музыка и танцы; эмоциональность. Возможно, поэтому иногда и называют праздник как «игрища» или «пляски», что не соответствует сути ӯй й̄квуңкве ‘зверя танцевать’.

Для периодических медвежьих праздников (танцев) яныг й̄кв особо характерно священное число «семь»: обычно их периодичность – семь лет подряд, затем перерыв в семь лет; как правило, на них приезжали представители с семи территорий; для каждой территории отводилось семь дней празднования; требовалось, как минимум, семь жертвенных животных и т.д. Если спорадический медвежий праздник устраивался по случаю его добычи, то здесь специально медведя не добывали, поскольку они были посвящены не добытому на охоте зверю, а мифологическому предку. Календарные периодические праздники и обряды всегда касались территориально-родственных групп, а часто и всего общества в целом. Например, в ходе исследований календарной обрядности манси замечено, что в прошлом, наиболее значимые из них проходили в так называемых центрах территориальных объединений. Основная цель таких праздников – привезти родовых духов в гости к духу-покровителю высшего ранга, тем самым подтвердить, что все, кто приехал на праздник, являются родственниками.

В системе родства манси четко подразделяется принадлежность, с одной стороны, к определенному роду отца / матери (кровное

родство) и принадлежность к роду мужа / жены, т.е. родство по браку, свойству (приобретенное родство). «Архаичность формирования родственной терминологии манси подтверждается еще и тем, что в традиционной культуре этого народа существует еще одна форма родства пупыг сирыл – родство по духу покровителю» [4, 126]. Другая цель встречи: коллективом родственников произвести отправление обряда в честь духа-покровителя, объединяющего коллектив, оказать почести, подобающие его рангу, и выразить свои просьбы. Мифологический высший дух-покровитель – один из первопредков. По представлениям манси именно он несет всю ответственность за миропорядок на закрепленной за ним «в первоначальные времена» территории и благополучной жизни людей, проживающих в его владениях. Финский ученый А.М. Кастрен, путешествуя по Сибири, слышал рассказы о периодических ежегодных праздниках в честь духов-покровителей и верно пояснил их суть: «Богослужение остяков состоит почти только в призывании богов и умилоствлении их жертвами. Впрочем, иные роды справляют еще и некоторые общественные празднества в честь богов. Из этих празднеств значительнее всего справляемое осенью. Оно справляется каждый год разными родами, и в нем участвуют не одни только члены празднующего рода, но и остяки других родов, которые привозят с собою для празднования и некоторых из своих старейших божков. Последние ставятся в той же юрте, в которой хранятся кумиры рода; если же таковой не имеется, то их помещают в особом, нарочно для этого устраиваемом шалаше» [5, 186].

Праздничная церемония сопровождается жертвоприношением животного (ййр), музыкой (тән), призывными песнями духов-покровителей (кәйсов), бытовыми и священными представлениями (тұлыглап), мужскими и женскими танцами (ййкв), очистительными ритуалами.

В силу различных обстоятельств главный праздник, проводимый в период «середины зимы» и согласно обычаям выражавший мужскую суть, перестали отмечать в полном объеме еще в начале прошлого века, а к концу XX столетия он вообще прекратил свое существование. Согласно тем же обычаям и в соответствии со сложившимся у манси дуалистическим восприятием мира, в период «середины лета» также должен был бы существовать периодический медвежий праздник, в котором была бы выражена женская суть. Но о таком празднике почти нет сведений, хотя в силу консервативности обрядовой системы, можно выявить, что он постепенно был видоизменен и трансформировался в праздник годового цикла Тõрум кан ‘место поклонения Торуму’, праздник, отмечаемый в конце лета на год / зиму [6, 27].

Обращает внимание и то, что время проведения периодических Медвежьих танцев выбрано неслучайно, оно соответствует идее мифологического порядка космической модели мира. С момента упорядочения мира остается неизменным то, что солнце исчезает надолго (зима) и вновь возвращается (лето). Выявлены и точки отсчета переходных состояний – с дней зимнего солнцестояния (солнцеворота) темная сторона времени берет поворот на светлую, зима / холод начинает разворачиваться на лето / тепло и, наоборот, с дней летнего солнцестояния (солнцеворота) светлая сторона времени поворачивается на темную, а лето / тепло на зиму / холод. В том и другом случае происходит постепенное умирание одного состояния и рождение другого. Любое переходное состояние – это конфликтная ситуация или «социальная драма» [7, 13]. Конфликт чаще всего преодолевается с помощью обряда. Переходное состояние в природе обостряет конфликтные ситуации в обществе и в человеке и потому самое подходящее время для проведения обрядов, призванных разрядить и снять напряженность.

Вся ритуальная деятельность приходится на весну и осень, утро (на восходе) и вечер (на закате) солнца. Они обусловлены временными входами и выходами из обыденного мира в переходное состояние года (суток). Например, два значимых мансийских праздника годового цикла проводятся весной и осенью; обряды в честь духов покровителей и мансийская свадьба начинаются утром на рассвете; в погребальном обряде ритуал «угощения» покойного проводят дважды в день – утром и вечером. Пик лета приходится на период активной хозяйственной деятельности, а нижняя точка зимы – на время празднеств. По сложившейся традиции, большинство праздников и обрядов, манси проводят на новолуние хунь *э́тпос* – самый паты, букв. ‘когда луна на глазах [начинает] быть’ т.е. когда луна начинает нарождаться. «Жертвоприношение духам совершается в новолуние, а свадьбы принято проводить в полнолуние: духам посвящается начало (верх) месяца, браку – его полнотелая середина. Нижняя же его часть считается временем преобладания темных сил» [8, 3].

Среди периодических календарных праздников манси особая роль отводилась ежегодным. Год для человека являлся довольно длительным периодом времени, для человека далекого прошлого «год мог казаться столь длинным, что он и вовсе не осознавал его цикл» [9, 68]. Это убедительно доказывает отсутствие у манси в прошлом понятий «год» и «месяц». Зима на территории проживания манси самое длительное время года, может, поэтому в мансийском языке ‘зима’ и ‘год’ называются одинаково – *тáл*. Между зимой и летом была большая разница, и каждый из этих времен года являлся основным, и считался годом, поэтому еще год назывался талыг-тувыг буквально ‘зима-лето’, т.е. год / зима – год / лето. До начала прошлого века при двухгодичном летоисчислении северные манси дважды отмечали начало года – в конце лета (с началом темных ночей) *Тõрум кан* ‘место поклонения (молитв)

Торуму’ (по григорианскому календарю август) и весной (с началом светлых ночей) *У́ринэ́ква хõтал* ‘Вороний день’ (по григорианскому календарю март-апрель) [10, 78; 6, 14-15]. Причем праздник на начало год / зиму отмечался как мужской праздник, а на начало год / лето как женский, что еще раз подчеркивает целостность мировосприятия, направленность на качество жизни, а не на количество лет и месяцев. Осень (таквс) и весна (туя) являются промежуточными, их функция – отделить переход от зимы к лету, и наоборот.

Начало празднования нового года в осенние дни, традиционно у манси считается, что с наступлением темных ночей начинается осень и современный еще летний месяц август здесь не играет никакой роли, означало окончание года / лета и наступление следующего года / зимы. К концу лета заканчивался массовый вылов рыбы, и люди были свободны до следующего промыслового сезона, т.е. охоты, что соответствует и поведенческим установкам древних охотников, которые время охоты чередовали со временем праздников. В преддверии сезона охоты отправлялись мужские охотничьи обряды (промысловый культ) сопровождаемые военными танцами и спортивными состязаниями. Вся символика праздника направлена на мужскую сферу деятельности (охотничью, воинскую, и, из наблюдений за природой и животным миром – оплодотворительную).

Хотя праздник длится несколько дней, но основное, кульминационное действие происходит на святилище *Тõрум кан*. По названию святилища называют и праздник. В данном варианте лексема *Тõрум* означает ‘бог’, а лексема *кан* ‘место поклонения’. Идею сакральности культового места подчеркивает его семантическая направленность «святой, священный» – *Тõрум ялпың кан* ‘святое место поклонения богу’. «*Пӯрлахтын кан, Тõрум кан*, называют иногда просто кан, где обряд проводится только при участии мужчин. Там молятся выдающимся духам-предкам мужского или женского

пола. Приглашают духов угощаться на устроенный для них пир (пӯри)» [11, 11]. Таких мест на территории проживания северных манси исследователями обнаружено довольно много [3, 198; 6, 58-69; 12, 82-92; 13, 216].

Праздничные дни были установлены на начало августа, а кульминационный день, проходивший на святилище, совпадал с христианским праздником Ильин день, т.е. 2 августа. Накануне проходят гонки на лодках касэгыт от слова касуңкве ‘состязаться, соревноваться’. Для спортивной команды изготавливались специальные лодки каснэ хāп ‘лодка для соревнований’. Форма лодок была своеобразной – осья хāп ‘узкая (тонкая) лодка’. По результатам нескольких заездов команда-победитель получала приз – оленя [12, 87]. Во время этих соревнований особая роль отводилась музыкантам и магической направленности музыки. В лодке вместе с гребцами находился музыкант, который играл на сāнквылтап`е. Задача музыканта – не развлекать соревнующихся, хотя естественно, музыка поднимала дух соревнований, здесь победа уже никакой роли не играла, поскольку все мужчины (победившие и нет) назавтра все равно пойдут на отправление обряда. В ритуальной практике манси существовали правила, регламентирующие посещение культовых мест. Согласно им, принято предупреждать духа о намерении людей побывать на священном месте. В силу своего пограничного положения (посредник между миром людей и миром духов) музыкант имел способность устанавливать связь с потусторонними силами. Поэтому здесь задача музыканта состояла в том, чтобы посредством тāн`а ‘обрядовой мелодии’ вступить в общение с духом, сообщить ему, что завтра к нему придут люди. Мелодии были все разные т.к. лодки были с представителями разных поселений. Каждый музыкант играл мелодию, посвященную своему духу-покровителю, тем самым, якобы сообщал, что от него завтра придут на святилище люди для исполнения обряда. Му-

зыка и призывные песни духам – неотъемлемая часть всех значимых традиционных праздников и обрядов манси.

Гонки на лодках являют собой символ переправы, характерный для погребального обряда и обряда инициации. Это связано с тем, что мужчины готовятся к посещению святилища, которое находится на территории обитания духа-предка и представляется потусторонним миром (миром предков), естественно, что они должны соблюсти установленные традицией все обычаи и нормы поведения, связанные с представлениями об ином мире. Согласно этим представлениям, обычно все летние праздники и обряды манси начинаются и заканчиваются состязаниями на лодках, символизируя выход из обыденного времени в сакральное и обратно.

На святилище мужчинами проводился обряд жертвоприношения. Жертвенным животным мог быть жеребенок, желательно белой или сивой масти, и особо для Торума – три петуха. Вообще-то, как говорят информанты, желательно иметь сāt пуңк ййр ‘семь жертвенных голов’, из них шесть добытых оленей (лесных), а седьмое жертвенное животное – петух.

Подробное описание праздничных дней и обряда на культовом месте Тõрум кан, которое посещают только мужчины, содержится в работах И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева [12, 82-92] и М.М. Курлина [14, 36-42], на женской территории – С.А. Поповой [6, 52-69], поэтому нет необходимости описывать в статье характер действий, обустройство территории и проведение самого праздника.

Праздник, отмечаемый в преддверии нового (второго) года, который мы называем год / лето называется Ёринэква хõтал – вороний день. В прошлом его проводили при виде первых ворон, прилетевших с теплых краев. Обязательным условием его проведения было новолуние. Приуроченность к 7 апреля (25 марта) по григорианскому календарю (православный

праздник Благовещение) была, вероятно, более поздней, адаптированной к православному календарю. Перенос даты проведения на постоянное календарное число никак не повлиял на сакральную часть праздника. По воззрениям манси, «вороны приносят весну». Такое представление связано с особенностями поведения этих птиц. Они первыми прилетают, начинают вить гнезда, громко каркают, как бы пробуждая саму природу [1, 162]. В представлениях и обрядах северных манси ворона выступает покровительницей женщин и детей. В связи с преобразующимися явлениями природы в основу праздника заложены представления о возрождении и обновлении, имеющие связь с родильной обрядностью. Праздник считается женским, его символика направлена на женскую сферу деятельности, как будничную, так и сакральную – рождение, семейное благополучие, любовь (и из наблюдений – воспроизводство). Идея сакральности в вороньем празднике подчеркивается тем, что сами манси этот день называют как сянъ хōтал ‘матери день’ – пōйксян сянъ хōтал ‘день просьб (поклонения) матери’, пōйксян ялпың сянъ хōтал ‘святой день просьб (поклонения) матери’.

Весной заканчивался сезон охоты, и началась подготовка к летней путине. В летний период рыбу заготавливали на весь год. Рыба была вторым по значимости продуктом питания, ее вялили, сушили, солили, заготавливали впрок рыбий жир. Из шкур некоторых пород рыб изготавливалась непромокаемая обувь и верхняя одежда, мешки, женские сумочки.

О важности летнего рыболовного периода говорит тот факт, что на время подготовительного периода и на время сезона путины существовало множество запретов, в том числе и запрет на рассказывание сказок. «Сказки нельзя рассказывать с момента прилета ворон и до момента их отлета. Если кто-либо нарушит этот запрет, то его голова покроется паршой

(говорили: ворона нагадила на его голову)» [11, 29]. В весенние дни, с прилетом ворон, наступает новый цикл жизни мансийского общества, который длится до осени, т.е. до времени их отлета. В таком контексте ворона выступает как символ начала и конца летнего года.

Вороны каждую осень улетают на юг в теплое место, где пережидают зиму, а весной возвращаются в родные края. По представлениям манси, этот теплый (южный) край Мōртым мā, есть не что иное как земля предков, иной мир. Туда возможно попасть только в образе птицы, а вернуться в сообщество людей возможно лишь в новорожденном ребенке. Поэтому кому как не воронам приносить людям весть о рождении детей. Собранные за зиму из содержимого детских колыбелей (таловой стружки и оленьей шерсти) сāп аня ‘насыпные кучки’, являются первым пристанищем для прилетевших с юга ворон. Сидя на них, птицы отогревают замерзшие лапки. В мансийских песнях о вороне подробно рассказывается, о ее путешествии из страны Мōртым мā ‘теплая (южная) земля’ в холодную Сибирь, о ее желании: «... за много дней до моего появления, за много дней моего перелета, счастливые женщины, счастливых мальчиков-девочек пусть заимеют, пусть (в колыбельке) качают. На кучки (сāп анянылн) приземлюсь. С дальних мест шедшие ручки отогрею. С дальних мест шедшие ножки отогрею, букв.: растоплю» [6, 174].

В прошлом праздник Ёринэква хōтал проводился в несколько этапов (многодневность – один из признаков универсальных праздников). Автору статьи, более чем за 13 лет поиска, удалось собрать от информантов материал и описать четыре праздничных дня: первый – день отправления обряда на священном женском месте, где принимают участие только пожилые женщины и девочки до наступления регул. Подтверждение этому есть и у Н.И. Новиковой: «по словам информаторов,

раньше на праздник собирались только маленькие «чистые» девочки, у которых еще нет регул, и старушки» [1, 165]. Второй – семейный (домашний) день, с участием всех женщин и детей одной семьи. Третий – женский и девичий день, с участием женщин и девушек поселения (рода) и четвертый – это общественный день, где принимают участие все члены поселенческого (родового) коллектива [6, 78-102]. В традиции обско-угорских народов с женской культурой и сферой деятельности обычно соотносится число четыре. Возможно, что и было всего четыре особо отмечаемых дня в новогоднем праздновании на год / лето в дни прилета ворон. В контексте родильной обрядности в эти дни фигурирует дерево ель (главный атрибут современных новогодних праздников).

До настоящего времени сохранился лишь общественный день, где принимают участие все члены коллектива. Проводится он или на открытой местности (поляне), или на берегу реки. В программе дня: ряженье, игры, музыка, танцы, шутки, смех, балагурство, гадание, разгадывание загадок. Обязательным были и спортивные состязания: всевозможные виды гонок на оленьих нартах и шкурах, борьба, перетягивание каната, метание топора, прыжки через нарты и бег в мешках [1, 161-171; 6, 78-102; 15, 212-222].

Понятия «месяц» в древнем календаре манси не было. Термин *Этпос*, который в современном мансийском языке обозначает слово «месяц» имеет несколько значений – это и месяц (календарный), и луна. В своей основе слово *Этпос* имеет два компонента – *Эт* ‘ночь, ночной’ и *пос* ‘свет’, т.е. темно-светло, что более употребительно к понятию суток, а не месяца. «Восход и заход Солнца дали людям первую и основную меру времени – день, а затем и сутки. День и ночь, свет и тьма казались прежде совершенно противоположными, как добро и зло, а потому сначала дни и ночи считали по отдельности» [16, 640].

Ближе к нашей действительности, год делится уже на сезоны и периоды, приблизительно соответствующие месяцу (календарному). Хотя празднично-обрядовая культура и была подтянута к православным церковным праздникам, но связь с традиционными занятиями манси не была нарушена. Названия месяцев у каждой группы манси имели некоторые отличия, так как в их основу были положены различные природные и хозяйственные явления и события. Лунный месяц состоял приблизительно из 29,5 суток, лунный год был на 11 суток короче солнечного, из-за несоответствия лунного и солнечного времяисчисления и для их выравнивания появляется лишний тринадцатый месяц. В настоящее время мансийский *тāl* ‘год’ исчисляется по лунам и составляет 13 лун. Небольшой по количеству суток «лишний» месяц *мāнь таквс* ‘малая осень’ присутствует между октябрём-ноябрём григорианских месяцев и не имеет аналога в русском языке и григорианском календаре.

Промысловые сезоны, результаты которых зависели от благоприятных воздействий природы, обставлялись праздниками и обрядами, ритуально подготавливали начало или завершение промысла. В мае, сразу после ледохода, ритуально обставлялся первый выход на открытую воду, следом начинался сезон охоты на водоплавающую дичь, гусей. В конце мая – начале июня заканчивался нерест рыбы и перед рыболовным сезоном проводились праздники, которые включали в себя разжигание костра, жертвоприношение животного, совместную трапезу, гадание с целью выяснения, в какое время появится рыба и в каких местах ее лучше ловить. С конца июня до середины июля проходил лунный период водоплавающей дичи, открывался сезон охоты на нее. В христианский праздник Иванов день (день Ивана Купалы, 7 июля) манси отмечали праздник в честь Вит-Хон’а (царь Вод), а в Петров день (12 июля) проводились празднично-обрядовые дни в честь

духа-покровителя Тāгт-Котиль-Ōйк̄и (среднего [течения] Сосьвы старец-покровитель). В языческий праздник славян бога Перуна (бога Грозы) – 20 июля, проходили празднично-обрядовые дни в честь духа-покровителя Ай-Ас-Ōйк̄и (малой Оби старец-покровитель), 2 августа – праздник Тōрум кан. В христианский праздник Покров (14 октября), когда медведь ложится спать в берлогу, белка готова для промысла, проводились празднично-обрядовые дни в честь завершения летних сезонов, а в октябре, после ледостава, празднично-обрядовые дни перед выходом на охоту по чернотропу. Конец ноября – начало декабря отмечен выходом охотников из леса. С декабря до конца января манси проводили общественные праздники. С конца января до марта охотники уходили в лес (проверить все путики, закрыть и убрать силки, капканы). С первых чисел марта, когда пушной зверь начинает линять, проходило завершение зимних промысловых сезонов.

Обязательным элементом всех значимых календарных праздников и обрядов является ййр 'жертвоприношение животного'. «Жертвоприношения бывают случайные и постоянные: первые находятся в зависимости от каких-нибудь случайных причин и от большего или меньшего усердия инородцев, между тем как вторые являются обязательными и совершаются обыкновенно: весною – перед началом рыбной ловли; ранней осенью – после ее окончания; поздней осенью перед отправкой на зимнюю охоту и затем по возвращении с нею и в других тому подобных случаях» [17, 52]. В одной из легенд верховный бог учит человека, как следует приносить жертву: «... и дымящаяся тарелка, и животное твое с рогами, и животное твое с копытами, и вы все сами понимаетесь ко мне благодаря моему искусству» [12, 89]. Объем жертвоприношений зависит от многих обстоятельств, прежде всего от ранга и силы духа, от важности дела и средств пожертвователя. Кроме ййр существовала и другая

форма жертвоприношения – пūри 'угощение едой'. Угощали домашними продуктами, причём считалось, что духи принимают не саму пищу, а видимый или незримый пар – «силу» пищи [18, 21]. Пожертвованием также могли быть приклады – пушнина, ткань, деньги, платки и изделия из серебра – металла. Такие церемонии были обусловлены стремлением добиться расположения или содействия духа-покровителя.

Современные праздники, проводимые этнокультурными центрами и поддерживаемые на региональном уровне, имеют две культурные тенденции (официальная и этническая), которые соединяются в событии, отражающем общее расщепленное состояние современного мира [19, 9]. Нам не раз приходилось принимать участие в подобных праздниках. Выражается это в оформлении и подаче праздника. Например, как было сказано выше, одной из важнейших составляющих традиционной праздничной церемонии остается обряд ййр 'жертвоприношение животного'. В свою очередь, этот обряд относится к сакральной сфере культуры манси (ялпың) и до сих пор остается закрытым для посторонних, поэтому сейчас ййр проводят или накануне, или рано утром в день официального праздника. В последнее время не только жертвоприношение, но и праздники, стали проводить дважды: вариант «традиционный» – в специально назначенный день в определенном месте, и «фестивальный» вариант – в центре села или города, на площади. Иногда происходит искусственное «возрождение» праздника там, где он никогда не проводился, потому что он не является традиционным для этой территории, например, тот же Вороний день или обряд угощения Луны.

Итак, праздники и связанные с ними обряды – наиболее древний и постоянно воспроизводимый элемент человеческой культуры, в этом их энергетическая сила. Другая важнейшая функция праздников – интегрирующая,

объединяющая определенное сообщество (семья, община, народ). Эта функция особенно ярко проявляется в кризисных и экстремальных ситуациях. В полиэтничной среде они служат средством укрепления этнического самосознания. В процессе празднично-обрядовой деятельности развиваются диахронные связи в обществе, культура передается от поколения к поколению. Кроме того, праздники

выполняют важную функцию восполнения действительности и, благодаря этому, служат средством социальной и психологической адаптации человека в обществе.

Сегодня, многие традиционные праздники, обряды и обычаи, частично сохраняя присущие им черты, стали приобретать новое содержание, новые формы.

Литература

1. Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М., 1995. 222 с.
2. Топоров В.Н. // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. К-Я. 719 с.
3. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. 284 с.
4. Попова С.А. Термины родства манси в свете их духовной культуры // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (история, этнология). Томск, 2006. Вып. 1 (52). С. 126-129.
5. Кастрен А.М. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. М., 1860. С. 186-189.
6. Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. 138 с.
7. Тэрнер В. Символ и ритуал. Сост. В.А. Бейлис и автор предисл. М.: Наука, 1983. 277 с.
8. Мансийский календарь / Сост. А.М. Хромова. Ханты-Мансийск, 2003.
9. Колесникова, С.Ю. Календари в культуре народов мира. Томск: Печатная мануфактура, 2004. 200 с.
10. Соколова З.П. Времяисчисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990. С. 74-103.
11. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное изд-во, 1993. 208 с.
12. Гемуев И.Н. Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
13. Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Сб. МАЭ АН СССР, вып. 27. Л., 1971. С. 211-238
14. Курлин М.М. Обряд на *Торум ялпынг кан* // Народы Северо-Западной Сибири / Под ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. Вып. 7. С. 36-42.
15. Попова С.А. Традиционный мансийский праздник «Вороний день» // Этнография народов Западной Сибири. М., 2000. Вып. 10. С. 212-222.
16. Энциклопедия символов / Сост. В.М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. 1007 с.
17. Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у маньзов [манси] // Тр. этн. отд. ИОЛЕАиЭ при МГУ. М., 1888. Т. XLVIII. С. 52-54.
18. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл., и примеч. Н.В. Лукиной, под общей редакцией Е.С. Новик. М.: Наука, 1990. 568 с.
19. Уляшев О.И. «День середины лета»: традиция в жизни и жизнь в традиции северных хантов // ЭО, 2011. № 4. С. 7-14.

References

1. Novikova N.I. Tradicionnye prazdniki mansi. M., 1995. 222 s.
2. Toporov V.N. // Mify narodov mira. Jenciklopedija v 2-h tt. M.: Ros. jenciklopedija, 1994. T. 2. K-Ja. 719 s.
3. Istochniki po jetnografii Zapadnoj Sibiri. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1987. 284 s.
4. Popova S.A. Terminy rodstva mansi v svete ih duhovnoj kul'tury // Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta. Serija: Gumanitarnye nauki (istorija, jetnologija). Tomsk, 2006. Vyp. 1 (52). S. 126-129.
5. Kastren A.M. Puteshestvie po Laplandii, Severnoj Rossii i Sibiri. M., 1860. S. 186-189.
6. Popova S.A. Mansijskie kalendarnye prazdniki i obrjady. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2008. 138 s.
7. Tjerner V. Simvol i ritual. Sost. V.A. Bejlis i avtor predisl. M.: Nauka, 1983. 277 s.
8. Mansijskij kalendar' / Sost. A.M. Hromova. Hanty-Mansijsk, 2003.
9. Kolesnikova, S.Ju. Kalendari v kul'ture narodov mira. Tomsk: Pечатnaja manufaktura, 2004. 200 s.
10. Sokolova Z.P. Vremjaischislenie u obskih ugrov // Tradicionnaja obrjadnost' i mirovozzrenie malyh narodov Severa. M., 1990. S. 74-103.
11. Rombandeeva E.I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura (po dannym fol'klora i obrjadov). Surgut: AIIK «Severnyj dom» i Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izd-vo, 1993. 208 s.
12. Gemuev I.N. Religija naroda mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.). Novosibirsk: Nauka, 1986. 192 s.
13. Sokolova Z.P. Perezhitki religioznyh verovanij u obskih ugrov // Religioznye predstavlenija i obrjady narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka. Sb. MAJe AN SSSR, vyp. 27. L., 1971. S. 211-238
14. Kurlin M.M. Obrjad na Torum jalpyng kan // Narody Severo-Zapadnoj Sibiri / Pod red. N.V. Luki-noj. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2000. Vyp. 7. S. 36-42.
15. Popova S.A. Tradicionnyj mansijskij prazdnik «Voronij den'» // Jetnografija narodov Zapadnoj Sibiri. M., 2000. Vyp. 10. S. 212-222.
16. Jenciklopedija simvolov / Sost. V.M. Roshal'. M.: AST; SPb.: Sova, 2006. 1007 s.
17. Gondatti N.L. Sledy jazycheskikh verovanij u man'zov [mansi] // Tr. jetn. otd. IOLEAiJe pri MGU. M., 1888. T. XLVIII. S. 52-54.
18. Mify, predanija, skazki hantov i mansi. Per. s hantyjskogo, mansijskogo, nemeckogo jazykov. Sost., predisl., i primech. N.V. Lukinoj, pod obshej redakciej E.S. Novik. M.: Nauka, 1990. 568 s.
19. Uljashev O.I. «Den' sere diny leta»: tradicija v zhizni i zhizn' v tradicii severnyh hantov // JeO, 2011. № 4. S. 7-14.